

Научная статья
УДК 316.34
doi: 10.17223/15617793/474/22

Японская ассимиляционная политика в колониальной Корее в 1910–1945 гг. на примере образовательных реформ

Елизавета Васильевна Наздрюхина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, nazelizaveta@bk.ru

Аннотация. Анализируется трансформация ассимиляционной политики Японии в оккупированной Корее в период с 1910 по 1945 г. на примере образовательных реформ. Рассматриваются вопросы выбора варианта ассимиляционной политики в образовательной сфере, выделяются основные направления и этапы ее реализации, а также рассматривается вопрос об усилении корейской идентичности вследствие реализации ассимиляционной политики Японии.

Ключевые слова: японская агрессия, Корея, колониальная политика Японии, ассимиляция, образовательные реформы

Для цитирования: Наздрюхина Е.В. Японская ассимиляционная политика в колониальной Корее в 1910–1945 гг. на примере образовательных реформ // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 192–197. doi: 10.17223/15617793/474/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/22

Japanese assimilation policy in colonial Korea in 1910–1945 on the example of educational reforms

Elizaveta V. Nazdryukhina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nazelizaveta@bk.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the transformation of Japan's assimilation policy in occupied Korea in the period from 1910 to 1945. on the example of educational reforms. This topic is considered in the works of numerous researchers, from the Russian ones it is possible to distinguish the works of Yakimova D. A., Tertitsky T. F., Gaikin V. A., etc. Among foreign authors, the most famous researcher who deals with the issues of the colonial heritage of Korea is Mark E. Caprio. The article deals with the choice of assimilation policy in the educational sphere, highlights the main directions and stages of its implementation. Japan was faced with a choice between the French and British style of conducting colonial policy. These two species differ in their relationship to subordinate territories. The British style of government involves intervention in the management of the colony only at the highest level, the French style involves the "equalization" of the colonies with the mother country. The choice of Japan fell on the French style of management, due to the common cultural heritage. The entire period of the occupation of Korea is conditionally divided into three periods, in accordance with the colonial policy pursued by the Governor-General at the direction of the mother country. Each of the three periods has its own management features, which can be clearly traced in the educational sphere. The first period was quite tough, this period practically created the education system. A school system was created in accordance with the Japanese, which assumed the study of Japanese as the state language, and the system itself was aimed at creating subjects of the emperor. The second period is characterized by its liberality in the ongoing educational reforms. The first university was founded, and the study of the Korean language and Korean culture was allowed. The third period can be called the most radical. During this period, the Japanese government makes an attempt to completely replace Korean culture with Japanese, again it is forbidden to study the Korean language, the day of schoolchildren begins with the recitation of the oath to the Emperor of Japan, and Korean names were to be replaced with Japanese.

As a result, we can distinguish several main points. First, the option of assimilation colonization, a kind of incorporation of Korean culture into Japanese culture and further carrying out a course to replace it, was chosen by the Japanese government quite successfully, given their common roots and similar cultural basis, which allows us to safely combine the two cultures. Secondly, the policy of assimilation could have had more successful results if the colonial government had not sought to completely destroy ethnicity, but to preserve and multiply it through the fusion of Japanese and Korean culture. Third, the reform of the education system in accordance with modern standards has made it possible to increase the level of literacy of the population.

Keywords: japanese aggression, Korea, colonial policy of Japan, assimilation, educational reforms

For citation: Nazdryukhina, E. V. (2022) Japanese assimilation policy in colonial Korea in 1910-1945 on the example of educational reforms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 192–197. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/22

Процессы глобализации, различные природные катастрофы и вооруженные локальные конфликты приводят в движение миграционные массы людей. Большие потоки беженцев ставят под угрозу внутреннюю политику многих стран. В этом свете приобретают всё большую актуальность вопросы инкорпорации мигрантов в культурное пространство принимающего сообщества, а также возникающие в связи с этим трансформации этничности мигрантов. Возможно ли трансформировать самосознание беженцев и переселенцев в соответствии с традициями коренного населения? Поэтому итоги многолетнего японского опыта трансформации этничности корейского этноса представляют особый интерес для многих стран, которые столкнулись на данном этапе с проблемой миграции.

В современной этнографической литературе специалистами неоднократно рассматривалась проблема аннексии Корейского полуострова и её последствия для корейского народа. В данной статье дан анализ ассимиляционной политики Японии в образовательной сфере корейского общества как динамичный процесс, тесно связанный с попыткой трансформации сознания корейцев, что обуславливает научную новизну работы. Взгляд на образовательную политику как на инструмент ассимиляции, использованный японским правительством, пока полноценно не представлен в отечественной историографии, хотя данная тема исследовалась в работах Т.Ф. Тертицкого в статье «Образовательная политика Японии в колониальной Корее» [1] и Д.А. Якимовой в статье «Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910–1945 гг.)» [2], косвенно эта тема затронута в работах П.В. Яковлевой [3], В.А. Гайкина и др. [4]. Проблема наследия японских колонизаторов является основной темой работ Mark E. Caprio (Марка Каприо), который подробно рассматривается все аспекты корейской оккупации [5].

Перед началом ведения своей колониальной политики и расширения своего влияния в регионе Япония длительное время находилась в изоляции от других стран. С изменением режима в стране и открытием границ японцы активно начинают учиться у западных стран и перенимать их опыт, в том числе и колониальный.

После победы в Русско-японской войне в 1905 г., Япония принимает решение о начале колониальных действий на Корейском полуострове. В связи с этим перед японским правительством встал выбор варианта политики: последователь примеру Франции и их прямому стилю правления в колониях, называемому ассимиляцией, либо пойти по примеру Великобритании и ассоциативного или косвенного стиля правления.

Французский стиль управления колониями претерпел сильные качественные изменения после Великой Французской революции, произошедшей в конце XVIII в. С этого момента Франция больше не могла

использовать косвенный стиль управления в колониях, иначе бы это нарушало «Декларацию прав человека и гражданина» (1789) и Конституцию 1793 г. Согласно этим документам, Франция признавала отмену рабства и равенство граждан метрополии и колонии [6. С. 374]. В колониальной политике Франции произошёл отказ от деления колоний по факту их богатства природными ресурсами или по времени присоединения. Все колонии, которые приобрела империя, стали официально входить в состав государства [7. С. 294]. Внутреннее управление, при сохранении традиционных символов (титуты правителей, государственные атрибуты), передавалось в руки метрополии и назначаемых ею администрации и чиновников. На территории колоний действовало французское законодательство и судебная система. Население, хотя и признавалось гражданами Французской Империи, не имело гражданства, однако с принятием в 1881 г. «Кодекса коренных народов» появился механизм, позволяющий населению колоний, при соблюдении всех требований (достижение совершеннолетия, овладение грамотой и личное желание перейти под действие законов метрополии), получить гражданство империи [8. С. 17]. Подобная система подразумевала под собой непосредственное вмешательство в культуру и жизнь аборигенного населения, конечной целью такого вмешательства было создание «цивилизованного» или «образованного» слоя общества, который бы в перспективе должен был разделять культурные традиции французского общества. Таким образом, сам принцип ассимиляции предполагал приведение к единообразию политической и культурной системы колониальных территорий.

Британский стиль управления содержал в себе элементы невмешательства, т.е. британские власти устанавливали сотрудничество с местной правящей элитой, которая оставляла за собой управленческие функции с учетом того, что их действия находились под контролем управленческого лица из метрополии. В ведении местного управления был сбор налогов, решение проблем локального уровня и обеспечение правопорядка. Таким образом, метрополия сохраняла традиции аборигенного населения, их структуру хозяйственной жизни и судебную систему. За счет подобного разделения и определенного невмешательства империя создавала двойную систему управления – на высшем уровне управление страной передавалось в метрополию, где происходил подсчет денежных средств, получаемых от колонии, а также рассматривались судебные дела, которые затрагивали интересы европейцев. На местном уровне происходило сохранение привычного уклада жизни аборигенного населения, у власти продолжала находиться изначально правящая элита, в обязанности которой включалось рассмотрение судебных дел на местном уровне [9. С. 867]. Большинство других государств Европы, практикующих методы ассимиляции, ограничивалось

территориями народов, прилегающих к колониальному центру и не отличавшихся в расовом отношении. В этом смысле цель, лежащая в основе политики ассимиляции, напоминала цель национального строительства: распространение общих культурных и политических систем среди составляющих государства [5. С. 10].

Рассматривая японскую оккупационную политику в отношении колониальной Кореи и корейского народа, следует отметить, что она содержала в себе черты французского способа управления. Избрав для административного управления колонией этот стиль ассимиляции, японцы действовали согласно выбранному курсу. На японский язык слово «ассимиляция» переводится как «同化» (до:ка) – ассимилироваться, приспособляться. Если разобрать иероглифы подробнее, то первый иероглиф «同» (до:) означает «одинаковый/такой же», второй – «化» (ка) – «принимать/превращать(ся)/подвергать(ся) влиянию». Следовательно, понятие «ассимиляция» понималось японцами как «стать (сделать) одинаковыми», т.е. они предполагали некое превращение корейцев в «японцев».

Выбор такого варианта политики ассимиляции можно назвать достаточно удачным, поскольку Корея и Япония – страны со схожей культурой, которая имеет общие корни, основанные на китайской культуре, общую религию и философское учение. При идеальном стечении обстоятельств японская политика должна была бы завершиться успешной интеграцией корейского народа в состав Японской империи, но так ли это?

Начиная свою политику проникновения на материк, японское правительство в качестве одного из первых шагов стало проводить колониальную образовательную политику. Изначально в Корее образование было представлено в виде традиционных школ – «соданов», где изучали китайский язык и конфуцианские книги, общий уровень грамотности населения составлял всего 2% [10. С. 42]. Высших учебных заведений в стране на тот момент не было, университетское образование можно было получить либо в Японии, либо уезжая за границу на Запад.

В 1911 г. принимается Первый указ, касающийся корейской системы образования. Первые статьи указа были посвящены определению полномочий генерал-губернатора, общему описанию «новой» образовательной системы, ст. 5–19 содержали подробности функционирования системы образования [11]. Появление образовательных учреждений, соответствовавших современным школам того времени, послужило началом для проведения политики ассимиляции.

Период 1910–1919 гг. условно получил название «политика сабель» или «сабельный режим» из-за жесткой политики, которую проводил первый генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ и его приемник Хасэгава Ёсимити. Генерал-губернатор активно проводил политику модернизации страны, первым пунктом было образование. Система образования копировала метрополию, однако были свои особенности для колониальной страны. Общий срок обучения и этапы практически совпадали с образованием в мет-

рополии, однако корейская система образования подразумевала раздельное обучения для японцев и корейцев [12. С. 63]. На должность директора школы мог быть назначен только японец, корейцев разрешалось нанимать как обычных учителей. Все предметы преподавались на государственном языке, которым был объявлен японский, корейский язык был запрещен для использования в школах, культура и история Кореи не преподавались, а обязательными предметами становились японская история и литература [1. С. 293].

Характерной чертой первого периода можно назвать стремление к воспитанию послушных подданных императора. Первый этап должен был подготовить молодое поколение корейцев и воспитать их как верноподданных японского императора без применения силы. Однако использование секуляризации в получении образовательных возможностей и запрет на родную культуру не могли воспитать лояльных корейцев, так как четко демонстрировали разницу в статусе и положении корейца и японца.

Второй этап начинается после массового выступления, произошедшего в 1919 г., когда была написана «Декларация независимости» и начались первоапрельские протесты [4. С. 77]. Пик антияпонского движения проявился в виде выступлений 1 марта 1919 г., которое было жестоко подавлено японскими военными и полицией. После этого инцидента Хасэгава Ёсимити подал в отставку, премьер-министр назначил Сайто Макото новым генерал-губернатором.

Замена генерал-губернатора Кореи сопровождалась изменениями в образовательной политике. Сайто Макото был либерально настроенным политиком, и проводимые преобразования соответствовали его убеждениям. Второй этап в управлении страной называют «периодом культурного управления» с 1919 по 1930 г.

В 1922 г. публикуется Второй указ. Согласно этому документу, между корейцами и японцами нет разграничительной черты в возможностях получения образования, сроки обучения приравняются к таким же, как и в метрополии, и более того, в японских школах в качестве дополнительного занятия вводится корейский язык. Важным событием становится открытие первого высшего учебного заведения в Корее – Императорского университета Кэйдзё. Открытие университета позволило корейцам получить образование, не уезжая из страны. Тем не менее пренебрежительное отношение к жителям Кореи оставалось таким же явным. Например, преподавателями университета были только японцы, вступительные экзамены также сдавались на японском языке, из-за чего многие корейцы не могли поступить в вуз.

Помимо образования, реформы затронули политическую и экономическую сферу. Отмена в 1920 г. «Закона о компаниях» позволила корейцам вести экономическую деятельность и создать лояльное сообщество предпринимателей. Была создана система «местного самоуправления» и разрешался выпуск корейских газет. Эти меры способствовали появлению и укреплению лояльности в обществе, а также появлению среднего класса, который должен был

поддерживать власть метрополии в колонии. Такие меры одновременно привели и к распространению идей либерализма [13. С. 315].

Несмотря на введенные послабления, разграничения между японцами и корейцами продолжали существовать. Дискриминация корейского народа продолжала проявляться во всех сферах жизни. Жители, занимавшиеся сельскохозяйственной деятельностью, больше не могли быть собственниками земли, вся земля принадлежала генерал-губернаторству, а крестьяне могли её только арендовать за немисливо высокую плату. В весенний период наступал так называемый «чхунгун», когда рацион многих крестьян состоял из коры деревьев. Существовало 52 вида разнообразных налогов, в обществе было тотальное деление по национальному признаку, издавались разные законы для корейцев и японцев, заработная плата корейцев была меньше прожиточного минимума (около 70 сэн, в 1 йене – 100 сэн). Женщины корейского происхождения подвергались ещё большей дискриминации и угнетению, их труд оплачивался ниже, чем мужской, а многих отправляли в качестве «женщин для утешения» в бордели для японских солдат [3. С. 319; 14].

К третьему этапу (1930–1945 гг.) Японская империя переходит с началом наступательных действий в Маньчжурии. Начиная с 1930 г. изменения внутри метрополии сказываются и на колонии. Переход к активным военным действиям на территории Восточной Азии и большое влияние военных на администрацию имели воздействие на проводимые реформы в колонии. Политика, проводимая в Корее, становится более тоталитарной и должна была быть идентичной политике метрополии. Чтобы добиться полного культурного сходства между колонией и метрополией сходства, генерал-губернатор вмешивается в религиозную сферу корейцев. Для унификации религии корейцев и японцев, первых призывали посещать синтоистские святилища, позже посещение храмов становится обязательным для всех граждан, в том числе и для детей. В школьном образовании происходит повторное разделение, теперь школы подразделяются для тех, кто «говорит на государственном языке», и для тех, кто «не говорит на государственном языке». Для школьников был введен традиционный утренний ритуал повторения клятвы верности императору Японии, а корейский язык во всех школах утверждается как факультативный предмет. После реформы 1941 г. корейский язык исключался из школьной программы. Несмотря на запрет преподавания корейского языка, он оставался основным разговорным языком. Тотальный запрет на преподавание корейского языка, как указывалось в документах, не совсем соответствовал действительности. Понимая, что полный отказ от родного языка не будет способствовать успешному обучению, в учебниках для начальной школы использовался только «хангыль». В дальнейшем, по мере обучения, происходило усложнение языка с помощью добавления иероглифов, вместо хираганы, на которой пишутся окончания, использовался хангыль. Таким

образом, планировалось что к окончанию обучения школьники будут знать японский язык [15].

С 1939 г. в Корее усиливается насильственная ассимиляция – в добровольно-принудительном порядке корейцы должны были сменить свои национальные имена на японские.

Третий и заключительный этап колониальной политики Японии на Корейском полуострове называют «период ассимиляции». Ассимиляция становится насильственной вплоть до окончания Второй мировой войны. В современной специальной литературе она подвергается критике, критика исходит и от мирового сообщества за нарушения прав человека [16]. В последние несколько лет Япония неоднократно предпринимала шаги для восстановления мирных отношений с Республикой Корея. Сами корейцы воспринимают японскую политику неоднозначно. С одной стороны, она принесла определенную пользу стране и помогла ей с началом модернизации, с другой стороны, корейцы считают этот период временем угнетения страны и унижения национального достоинства жителей полуострова. Согласно опросам, порядка 78% населения страны ответили, что они относятся негативно к периоду японской оккупации [17].

Подводя общий итог японской политики в колонизированной Корее, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, вариант ассимиляционной колонизации, своего рода инкорпорации корейской культуры в японскую и в дальнейшем проведение курса на её подмену, был выбран японским правительством достаточно успешно, учитывая их общие корни и схожую культурную основу, позволяющую безболезненно объединить две культуры.

Во-вторых, несмотря на схожую культуру, которая при правильном использовании «мягкой силы» позволила бы провести политику ассимиляции в полном объеме, расхождение в заявлениях и действиях японцев оказали противоположный эффект. Подобные моменты запоминались корейскому народу, что привело к абсолютно обратной реакции на политику метрополии, несмотря на достаточно модернизационные реформы в области образования для Кореи.

В-третьих, агрессивные действия по уничтожению корейской идентичности привели к массовым восстаниям и выступлениям за сохранение этничности, а также укреплению национально-освободительного движения среди молодежи.

В-четвертых, политика ассимиляции могла бы иметь более успешные результаты, если бы колониальное правительство не стремилось к полному уничтожению этничности, а к ее сохранению и приумножению с помощью слияния японской и корейской культуры.

В-пятых, реформирование системы образования в соответствии с современными стандартами позволило повысить уровень грамотности населения. В 1910 г. уровень грамотности составлял приблизительно 2% от общей численности населения. В 1930-е гг. этот показатель увеличился в разы и составил практически 40% [18, 19].

Список источников

1. Тертицкий Ф.К. Образовательная политика Японии в колониальной Корее // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 20. С. 290–302.
2. Якимова Д.А. Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910–1945 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 131–137.
3. Яковлева П.В. Положение Кореи в колониальный период // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Томск, 2012. С. 318–321.
4. Гайкин В.А. Корейское студенчество в Японии и «Декларация независимости» 1919 г // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 70–79.
5. Mark E. Caprio. Japanese assimilation policies in Colonial Korea 1910–1945. Seattle : University of Washington Press, 2009. 320 p.
6. Spieler M.F. The Legal Structure of Colonial Rule during the French Revolution // The William and Mary Quarterly. 2009. Vol. 66, is. 2. P. 365–408.
7. Olatunji Oloruntimehin B. Theories and realities in the administration of colonial french west africa from 1890 to the first world war // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1972. Vol. 6, is. 3. P. 289–312.
8. Andrew C. M., Kanya-Forstner A.S. France, Africa, and the First World War // The Journal of African History. 1978. Vol. 19, is. 1. P. 11–23.
9. Mamdani M. Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform // Social Research. 1999. Vol. 66, is. 3. P. 859–886.
10. Yunshik Chang. Growth of education in Korea 1910-1945 // Population and Development Studies Center. Seoul National University, 1975. Vol. 4. P. 40–53.
11. Указ об образовании 1911 г. как инструмент японской политики ассимиляции в корейском генерал-губернаторстве. URL: <https://koryo-saram.ru/ukaz-ob-obrazovanii-1911-g-kak-instrument-yaponskoj-politiki-assimilyatsii-v-korejskom-general-gubernatorstve/> (дата обращения: 12.01.2021).
12. Park Yukikhe. Cho:sen kyo:ikurei no kaisei ni miru «naisen kyōgaku» to kyo:ju yo:go mondai. Dai ni-ji Cho:sen kyo:ikurei o chu:shin ni («Совместное обучение в Корее» и проблема языка обучения в пересмотре «Закона об образовании в Корее»). Сосредоточение внимания на втором постановлении об образовании в Корее // Ajia chiiki bunka kenkyu. Tokyo : To:kyo:daigaku, 2015. P. 62.
13. Овчинникова Л.В. Колониальная Корея в зеркале секретных изданий японского генерал-губернаторства (1920–1945 гг.) // Ежегодник Японии. Т. 1. М., 2009. С. 311–323.
14. Yamamoto T. Nihon to:chi jidai no cho:sen hantj: ni okeru nihon hondo shushshin-sha no tenkai ichi tochi shoyu: to no kakawari o chu:shin ni // Rekishi-chi rigaku. 2003. Vol. 3, is. 1 (212). P. 3–19.
15. Nihon to:chi jidai no cho:sen no kyo:kasho. URL: http://www.nipponwomamorukai.jp/syutyuu/harihara_takayuki/nihontoutijidai_no_tyousennokyokasyo.html (дата обращения: 12.03.2021).
16. Iljegangjeomgi. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0047318> (дата обращения: 12.01.2021).
17. Japan colonial presence felt 100 years on. URL: <https://www.pri.org/stories/2010-08-30/japan-colonial-presence-felt-100-years> (дата обращения: 12.01.2021).
18. Gu-igjong, bagjiyang, gimcheol deung. sigminji sigiui saenghalsujun // Haebang jeonhusai jaesinsig. Seoul : Chaegsasang, 2006. P. 778.
19. Lee SunYoung. Shokuminchi Cho:sen ni okeru gengo seisaku to nashonarizumu — cho:sen syo:tokufu no Cho:sen kyo:iku-rei to Cho:sen gogaku-kai jiken o chu:shin ni // Ritsumeikan kokusai kenkyu. 2012. Vol. 25, is. 2. P. 145–169.

References

1. Tertickiy F.K. Obrazovatel'naya politika Yaponii v kolonial'noy Koree // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya. 2012. № 20. S. 290–302.
2. Yakimova D.A. Politika Yaponii v oblasti obrazovaniya i vospitaniya v kolonial'noy Koree (1910-1945 gg.) // Problemy Dal'nego Vostoka. 2013. № 6. S. 131–137.
3. Yakovleva P.V. Polozhenie Korei v kolonial'nyy period // Voprosy istorii, mezhdunarodnyh otnosheniy i dokumentovedeniya. Tomsk, 2012. S. 318–321.
4. Gaykin V.A. Koreyskoe studenchestvo v Yaponii i «Deklaraciya nezavisimosti» 1919 g // Rossiya i ATR. 2011. № 1. S. 70–79.
5. Mark E. Caprio. Japanese assimilation policies in Colonial Korea 1910-1945. Seattle : University of Washington Press, 2009. 320 p.
6. Spieler M.F. The Legal Structure of Colonial Rule during the French Revolution // The William and Mary Quarterly. 2009. Vol. 66, Is. 2. R. 365–408.
7. Olatunji Oloruntimehin B. Theories and realities in the administration of colonial french west africa from 1890 to the first world war // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1972. Vol. 6, Is. 3. R. 289–312.
8. Andrew C. M., Kanya-Forstner A.S. France, Africa, and the First World War // The Journal of African History. 1978. Vol. 19, Is. 1. R. 11–23.
9. Mamdani M. Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform // Social Research. 1999. Vol. 66, Is. 3. R. 859–886.
10. Yunshik Chang. Growth of education in Korea 1910-1945 // Population and Development Studies Center. Seoul National University, 1975. Vol. 4. R. 40–53.
11. Ukaz ob obrazovanii 1911 g. kak instrument yaponskoy politiki assimilyatsii v koreyskom general-gubernatorstve. URL: <https://koryo-saram.ru/ukaz-ob-obrazovanii-1911-g-kak-instrument-yaponskoj-politiki-assimilyatsii-v-korejskom-general-gubernatorstve/> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
12. Park Yukikhe. Cho:sen kyo:ikurei no kaisei ni miru «naisen kyōgaku» to kyo:ju yo:go mondai. Dai ni-ji Cho:sen kyo:ikurei o chu:shin ni («Sovmestnoe obuchenie v Koree») i problema yazyka obucheniya v peresmotre «Zakona ob obrazovanii v Koree». Sosredotochenie vnimaniya na vtorom postanovlenii ob obrazovanii v Koree // Ajia chiiki bunka kenkyu. Tokyo: To:kyo:daigaku, 2015. P. 62.
13. Ovchinnikova L.V. Kolonial'naya Koreya v zerkale sekretnykh izdaniy yaponskogo general-gubernatorstva (1920-1945 gg.) // Ezhegodnik Yaponiya. T. 1. M., 2009. S. 311–323.
14. Yamamoto Takatsugi. Nihon to:chi jidai no cho:sen hantj: ni okeru nihon hondo shushshin-sha no tenkai ichi tochi shoyu: to no kakawari o chu:shin ni («Razvitie lyudey iz materikovoy Yaponii na Koreyskom poluostrove v yaponskuyu kolonial'nuyu epohu - akcent na svyazi s zemlevladieniem») // Rekishi-chi rigaku. Tokyo, 2003. Vol. 3, Is. 1 (212). P. 3–19.
15. Nihon to:chi jidai no cho:sen no kyo:kasho («Koreyskie uchebniki v yaponskuyu kolonial'nuyu epohu»). URL: http://www.nipponwomamorukai.jp/syutyuu/harihara_takayuki/nihontoutijidai_no_tyousennokyokasyo.html (data obrashcheniya: 12.03.2021).
16. Iljegangjeomgi (Period yaponskoy okkupatsii). URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0047318> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
17. Japan colonial presence felt 100 years on. URL: <https://www.pri.org/stories/2010-08-30/japan-colonial-presence-felt-100-years> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
18. Gu-igjong, bagjiyang, gimcheol deung. sigminji sigiui saenghalsujun (Priznanie istorii osvobodzheniya i voyny) // Haebang jeonhusai jaesinsig. Seoul: Chaegsasang, 2006. P. 778.
19. Lee SunYoung. Shokuminchi Cho:sen ni okeru gengo seisaku to nashonarizumu — cho:sen syo:tokufu no Cho:sen kyo:iku-rei to Cho:sen gogaku-kai jiken o chu:shin ni («Issledovanie regional'noy yazykovoy politiki v Koree v period Yaponskogo kolonial'nogo pravleniya:

Rassmotrenie voprosa o prinyatii Dekretov na koreyskom yazyke Koreyskoy sistemoy obrazovaniya» // Ritsumeikan kokusai kenkyu. Kyoto, 2012. Vol. 25, Is. 2. P. 145–169.

Информация об авторе:

Наздрюхина Е.В. – аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nazelizaveta@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nazdryukhina E.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nazelizaveta@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2021;
одобрена после рецензирования 20.04.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.03.2021;
approved after reviewing 20.04.2021; accepted for publication 28.01.2022.*